

ЗА ПОРОГОМ ЛЕСА

Мария Ровина

Мария Ровина

За порогом леса

<https://litres.ru/74632614>

SelfPub; 2026

Аннотация

Говорят, есть такие леса: окажешься рядом - и тут же забудешь, куда шёл, повернёшь обратно. Но что, если лес сам тебя позовёт?

Мира ещё не знает, что за порогом привычного мира скрывается нечто куда опаснее любых сказок. Что у леса есть свои тайны, свои законы и свой хозяин.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Мария Ровина

За порогом леса

Глава 1

Я уютно укутываюсь в кучу одеял, пока бабушка нежно похлопывает меня по спине. За окном густыми хлопьями валит снег. Но в доме тепло, старая глиняная печь согревает воздух. Тусклая лампа освещает покрытое морщинами лицо. Я смотрю на нее снизу вверх, ощущаю себя совсем маленькой. С нетерпением жду, когда она затащит привычную колыбельную. Прикрываю глаза.

«Баю-баюшки-баю, Мишка по душу твою В снежную пургу придёт. Не страшны ему метели, И к тебе он путь найдёт» – звучат незнакомые строки.

Мое сердце тревожно бьется. Я ощущаю жар, а затем холод. Через закрытые веки вижу, как гаснет свет. Приподнимаюсь. Бабушки рядом уже нет. Вместо теплого огня лампы – ночная тьма. Лишь тусклая луна, пробиваясь сквозь снегопад, освещает комнату. Мои ноги касаются холодного ковра. Я набираю воздуха, чтобы позвать бабушку, но внезапно слышу скрип снега за окном. Он движется вокруг дома. Раздается протяжный стон старых петель. Глухой топот сапог по половицам. Дверь медленно отворяется. Вглядываюсь в

темноту, но не могу разглядеть ничего в тени сеней.

Я просыпаюсь в холодном поту. Не сразу понимаю, что это был сон – до того он был реалистичен. Беру очки с прикроватной тумбочки, протягиваю трясущуюся руку за стаканом воды. Смотрю на заиндевшее от мороза окно. *Его давно пора поменять.* Делаю глоток. На светящемся циферблате четыре часа утра, но я не хочу спать дальше – боюсь, что кошмар повторится.

В ванне зеркало встречает меня тревожным взглядом. Светло-русые волосы растрепаны, под глазами пролегли синяки. Недовольная своим внешним видом я кривляюсь отражению и начинаю утренние процедуры.

Выйдя из ванной, сталкиваюсь с мамой – та уже спешит на работу. «Я приготовила манку, поешь обязательно», – говорит она, быстро чмокает меня в лоб, оставляя след помады, и скрывается за дверью. Я с грустью провожаю ее взглядом. В следующий раз мы увидимся лишь на пять минут перед сном.

Без особой охоты я завтракаю, собираюсь и выхожу из дома. Экран телефона показывает пол шестого, когда встаю в очередь на автобус. Он задерживается. Проходит 10 минут... 15... 30... Люди уже недовольно переговариваются, ведь со снегопада прошло три дня, и дороги давно расчистили. Но я не беспокоюсь, уверена, что не опоздаю. Хотя руки, нос и щеки уже начинают замерзать. Наконец, автобус появляется. Пассажиры, шурша куртками, заползают внутрь и рассаживаются.

ваются. Мне везет – удастся занять место у окна, но радость быстро сменяется разочарованием, когда рядом подсаживается полная женщина в норковой шубе. От нее разит припорным запахом духов, и я сдерживаюсь, чтобы не зажать нос. Но я не выспалась, и укачиваемая ходом автобуса, быстро начинаю клевать носом. Мне снится, как я играю со своей старой собакой Найдой. Во сне она жива и весело виляет хвостом, когда кидаю ей мячик в поле цветов.

Резкий толчок заставляет меня проснуться. Я оглядываюсь, и вижу, что все пассажирские места пусты, а за окном – лес. Должно быть, водитель не в своем уме, раз завез в такую глушь. Двигаюсь к его сиденью, заглядываю за спинку – никого. Обескураженная, достаю телефон. Он не включается, а битье по корпусу никак не помогает. Должно быть, разрядился от холода. Помощи ждать не от кого, нужно самой решить, что делать дальше. Замечаю на панели управления кнопки с изображением дверей, и без раздумий нажимаю одну из них. Двери с грохотом открываются. Я ступаю на мягкий снег. Нога уходит вглубь по щиколотку. Не похоже, чтобы дорогу здесь кто-то чистил. Обойдя автобус сзади, обнаруживаю еще одну странность – машина не оставила после себя следов. И все же, я решаю двигаться в направлении хвоста, надеясь, что так вернусь в город.

Белое солнце висит высоко в небе. *Пожалуй, это довольно интересный способ прогулять пары*, – думаю я без сожалений. Лес кажется приветливым: слышатся трели синиц,

я даже замечаю на ветках красные грудки снегирей. Лапы елей, облепленные снегом словно тянут для рукопожатия пятерню, вокруг все искрится на солнце. Я вдыхаю еловый морозный воздух и с удовольствием слушаю скрип под ботинками. Облепленные снегом низкие елочки напоминают мне разные веселые образы. Я сама не замечаю, как начинаю улыбаться, при виде длинноносого старичка на осле.

Примерно через четверть часа с неба начинают медленно спускаться снежинки. Проходит еще немного времени, и они собираются хлопьями. Небо темнеет, снег с каждой минутой валит все гуще. Я прячу руки в карманы и чувствую, как деревенеют ноги. Теперь я уже не смотрю по сторонам и ускоряю шаг, насколько это возможно в таком снегу. Вдруг я слышу вдалеке вой. По телу пробегают мурашки. Пытаюсь успокоить себя тем, что собаки тоже воют, особенно маленькие, и представляю милого шпица. Вой повторяется, на сей раз ближе. Мое глупое предположение разбивается о воспоминания писклявого лая шпица соседки. Он совсем не похож на этот гулкий, почти потусторонний вой. Наступает тишина. Я надеюсь, что звуки не повторятся, и концентрирую внимание на шагах. Они даются с трудом – снег доходит уже до середины голени. Внезапный хруст веток за спиной заставляет меня резко обернуться. Всего лишь белка. Не успеваю я облегченно вздохнуть, как толчок в спину выбивает из меня дыхание. Я падаю лицом вниз и отчаянно барахтаюсь, пытаюсь встать. Животное крепко вцепляется в рукав.

Толстый пуховик не дает клыкам задеть кожу. Я вижу перед собой огромного волка и застываю в ужасе. Он отрывает клоч от рукава, наполнитель разлетается во все стороны. Животное нацеливается на горло, и едва успеваю прикрыть его. Челюсть смыкается на запястье. Я кричу от боли, и словно оживаю – начинаю колотить волка свободной рукой туда, куда могу дотянуться. Краем глаза замечаю еще десяток желтых глаз позади. *Они выжидают*, – проносится в голове. В следующий миг мне удастся сделать зверю больно, и он ослабляет хватку. Но триумф длится недолго – волчья стая начинает обходить нас кругом, припадая на передние лапы и прижимая уши. Я понимаю, что нет надежды на спасение и готова сдаться, когда молчаливую схватку нарушает грохот выстрела. Звери замирают в нерешительности – они не хотят оставлять добычу, но звук ружья им хорошо знаком. Второй выстрел заставляет стаю отступить.

Я осторожно поднимаюсь, оглядываюсь в поисках источника выстрела. Различаю среди веток человека. Он быстро приближается ко мне, так, что я едва успеваю его рассмотреть. Незнакомец выглядит дико: волосы длинные и спутанные, одет в лохмотья, а в глазах недобрый огонек. Оказавшись на расстоянии шага, испепеляет меня взглядом.

– Совсем мозгов нет? – наконец произносит он срывающимся голосом. – Гулять в дремучем лесу!

Меня невольно смешит слово «дремучий», и я слишком поздно стираю улыбку с лица.

Парень краснеет от злости.

– Еще и улыбаешься?! – я пячусь назад, лепеча извинения.

Но он делает шаг навстречу и бесцеремонно хватает меня за раненую руку. Я издаю сдавленный стон, и незнакомец тут же отпускает. Он начинает искать что-то в бесчисленных карманах своей перелатанной одежды. Редкие участки меха намекают, что когда-то она была шубой. Наконец, на свет появляется бутылка из-под газировки. Я с удивлением смотрю на него, не понимая, отчего он решил выпить «Дюшеса» в такой ситуации. Но вместо этого, парень уже аккуратнее берет мою руку и льет на нее из бутылки зеленоватую жидкость.

– Что вы... – начинаю было я, но осекаюсь: рана начинает стягиваться прямо на глазах. Через какие-то 10 секунд она исчезает вовсе. Не веря своим глазам, я подношу руку ближе к лицу и разглядываю гладкую кожу. Поднимаю взгляд на незнакомца.

– Кукушкины слезы, – говорит он, словно это может объяснить произошедшее чудо. Но я готова поверить во что угодно.

– Как, прям птичка наплакала? – спрашиваю я, и парень хмурится, восприняв мой вопрос как издевку.

– Кукушки редко плачут, это отвар из лекарственных трав, – резко отвечает он и разворачивается в сторону леса, откуда пришел.

Я следую за ним, мне не хочется оставаться одной, тем

более, когда начинает темнеть.

– Извините, вы не подскажете как добраться до города?

– Туда мы и идем.

– А долго еще?

Молчание.

Я едва поспеваю за его шагом, но все же решаю заговорить еще раз.

– Как вы меня нашли? Случайно, наверное?

На сей раз раздается раздраженный голос.

– Конечно нет, ты так громко визжала, что разбудила меня.

Я подавляю желание грубо ответить. Все-таки лучше не спорить с человеком с ружьем в глухом лесу.

– Как вас зовут? – пытаюсь перевести я тему. Парень резко останавливается, я врезаюсь лбом ему в спину. Он поворачивается и озадаченно смотрит на меня. Я вижу, как хмурятся его брови и вращаются шестеренки в мозгу. Как будто я спросила невесть что такое сложное! Наконец он выдает:

– Берислав, кажется.

– Берислав? – переспрашиваю я. Меня забавляет и одновременно пугает его неуверенность в собственном имени.

– Да, Берислав. Что-то не нравится? – парень не пытается скрыть раздражение.

Тут я замечаю свет вдалеке, и забыв о проводнике, бегу на него. Я оказываюсь прямо на опушке, где стоит родная девятиэтажка. Опомнившись, оборачиваюсь, но Берислава

не видно, а возвращаться в лес мне не хочется. Спасибо! – кричу я в темноту и уверенно направляюсь к двери третьего подъезда.

Глава 2

Я тихо, как мышь, прокрадываюсь в квартиру. Аккуратно закрываю входную дверь, стараясь не издать лишнего звука. И тут включается свет. На пороге стоит мама. Вид у нее сердитый.

– Ты не ходила в колледж?

– Ходила, – вру я и надеюсь, что маме нечем доказать обратное.

– Точно? Ты мне не врешь?

– Точно, – отвечаю я, чувствуя укол совести.

Вдруг понимаю, что мама пришла домой необычайно рано. Солнце недавно скрылось за горизонтом, а значит сейчас не больше 6 часов вечера. Но я не решаюсь спросить. Чувствую, что настроение у нее испорчено. Наверное, до конца она мне не верит.

Я набираю теплую ванну, чтобы отогреться. Опускаю туда бомбочку, наблюдаю, как она медленно шипит и растворяется. В голове проносятся события сегодняшнего дня. Все кажется странным, необычным. С самого утра... Я вспоминаю, что утром мне снился тревожный сон, но не могу вспомнить, о чем. Кажется, там была бабушка. Она умерла 8 лет назад, но я до сих пор иногда скучаю по ней. Мои мысли уносятся в далекое детство. Спыхватываюсь, опускаю руку в воду – она уже начинает остывать.

На следующий день я выхожу из дома поздно. Крепкий сон долго не отпускал меня из постели. Не без опаски поднимаюсь на высокую ступеньку автобуса. С подозрением смотрю на водителя, и все-таки решаюсь задать тревожащий меня вопрос.

– Вы не знаете, все ли в порядке с тем, кто вчера вел автобус? – спрашиваю я.

Седой усатый мужчина смотрит на меня с удивлением. Он тянет с ответом так долго, что в очереди раздается возмущение.

– С Исрапилом и правда не все хорошо, – отвечает он. – Не знаю, откуда вы об этом узнали, но лучше забудьте.

Я прохожу вглубь автобуса и сажусь. Странностей все больше и больше, но меня это не радует. Будь мне 10 или 12 лет, я бы отнеслась к такому с большим воодушевлением. Представила бы, что наконец попала в передрягу, как героини любимых мной книг. Но мне 16 лет, я давно не верю в чудеса и сказки.

Автобус, как всегда, останавливается рядом с Вишневым парком. Не знаю, почему его так прозвали, вишневые деревья тут никогда не росли. Я привычно шагаю по расчищенным тропинкам. Не сравнится с тем, как высоко приходилось вчера поднимать ноги в снегу. Чем ближе приближаюсь к колледжу, тем сильнее нервничаю. Перехожу дорогу, поднимаюсь по ступенькам, засовываю руку в карман в поисках пропуска. Понимаю, что оставила его дома и тяжело взды-

хаю. Охранница не самая приятная женщина, не пропустит меня, пока куратор группы не спустится вниз. Тут меня огибает высокая девушка в изящном пальто. Она оборачивается и с улыбкой смотрит на меня. Ее ярко-голубые глаза источают дружелюбие, но мне мерещится в них и оттенок жалости. Моя одногруппница Лиза – полная моя противоположность. У нее изящная фигура, почти как у модели, золотистые чуть вьющиеся волосы, васильковые глаза, а главное – веселый характер.

– Опять забыла пропуск? – спрашивает она, и я согласно киваю головой.

Лиза пропускает меня, но вместо благодарности я чувствую легкое раздражение. Она одна из немногих в группе, кто относится ко мне с сочувствием, но меня от этого тошнит. Лучше бы все просто не замечали моего присутствия. Буркаю «Спасибо» и прохожу в раздевалку. Быстро сбрасываю куртку, меняю сапоги на туфли. Через ступеньку бегу на второй этаж. Перед самой дверью замираю. Опоздание длится уже больше 10 минут. Лиза, отдуваясь, оказывается рядом. Она не возмущается тем, что я ее не подождала. Вместо этого громко стучит в дверь, и тут же ее открывает. Все лица поворачиваются на нас. Мои уши краснеют, я стараюсь на опустить взгляд, но это дается с трудом. Лиза как ни в чем ни бывало проходит к мольбертам и берется за один. Я прошмыгиваю в кабинет и выбираю себе другой. Тащу его через всю аудиторию. К счастью, преподавательница куда-то ото-

шла, но это лишь делает отсрочку строгому выговору. Надежда Валентиновна – пожилая женщина советской закалки, и опоздания особенно выводят ее из себя.

Сегодняшняя постановка красивая, с листьями, тыквой и рябиной в вазе. Но мне ее плохо видно – хороших мест не осталось. Тем не менее конец пары проходит в спокойствии. Девочки переговариваются вполголоса, обсуждают, куда пойдут на выходных. Я смотрю в окно. Погода сегодня хорошая, солнечная. Завтра, скорее всего, будет так же. Меня не думают приглашать, но я и не хочу. Всем будет только неловко.

После пары Надежда Валентиновна задерживает нас с Лизой.

– Ладно Мира, но ты, Лизонька, приличная девочка, – возмущается она.

Я давлю смешок. Лиза, конечно, добрая девушка, но вот приличия ей давно отказали. Она даже иногда украдкой достаёт вейп на парах.

Преподавательница отчитывает нас весь перерыв, поэтому мы не успеваем пообедать. Это не особенно огорчает. Кто вообще придумал делать обед после первой пары.

Следующим занятием у нас цветоведение. Преподаватель – розовощекая круглолицая женщина – нарезает бумажки со случайными словами, параллельно объясняя задание. Нам предстоит сделать «мозаику» из разных цветов, подходящую по настроению выпавшему слову. Она заканчивает нарезать,

мы по очереди подходим к столу и берем перевернутые лицом вниз бумажки. Я сажусь за парту и смотрю, что мне выпало. «Жмых». Оглядываюсь, чтобы посмотреть, что у других. «Пепел», «цветы», «зима» ... Кажется, мое задание самое «интересное». Кто-то заглядывает мне за плечо и громко произносит «Ничего, себе, жмых!». Некоторые с любопытством смотрят в мою сторону. Внезапно Лиза за соседней партой смеется.

– Жмых! – повторяет она. – Не повезло тебе, Мира. Что это вообще такое?

Остальные подхватывают настроение и негромко хихикают. Удивительно, но в этот раз я не смущаюсь и спокойно принимаюсь за задание. Выкрашиваю тонкие полоски бумаги в грязные коричневые, розовые и рыжие цвета. К концу занятия никто не успевает закончить «мозаику», она остается на дом.

Наконец, под оживленный гомон все спешат в раздевалку. Мне нет охоты толкаться, поэтому жду, когда все выйдут, и только тогда без труда нахожу свою куртку. Вчера вечером я забыла сделать заплатку, поэтому просто обмотала рукав скотчем. Смотрится, честно говоря, не очень.

Приехав домой, сажусь за долги по живописи и рисунку. Скоро сессия. В который раз проклиная себя, что выбрала направление «живопись». Хотя я люблю рисовать, учиться этому в колледже кажется абсолютно бесполезным. Знаний почти не дают, из плюсов разве что практика, но от посто-

янного рисования уже начинаешь ненавидеть процесс. Лучше бы выбрала лепку. Я мечтательно вздыхаю. Мне всегда нравилось лепить фигурки из пластилина, особенно молочно-белого, скульптурного.

Замечаю розовато-рыжий свет из окна на шкафу. Снаружи открывается вид на невероятной красоты закат. Бледно-голубое небо, зеленея переходит в розовое, по которому росчерками раскинулись фиолетовые облака. От солнца, опускающегося к верхушкам деревьев, расплзается оранжевый свет. Я вспоминаю о вчерашнем лесе, о волках, о и парне, который вывел меня из него. Внезапно чувствую угрызения совести. Мне, по сути, жизнь спасли, а я даже нормально не поблагодарила. В голову приходит мысль: что, если сделать это сейчас? Идея глупая, ведь не факт, что я снова встречу незнакомца в лесу. Но я уже роюсь в шкафу, ищу перцовый баллончик. Он поможет мне, если еще раз натолкнусь на опасных хищников. Застегивая сапоги, я пытаюсь вспомнить, как звали того парня. Кажется, Берислав.

Выйдя из подъезда, не сразу иду в сторону леса. Сперва забегаю в магазин и покупаю там плитку шоколада. Надеюсь подкрепить свою благодарность маленьким подарком.

Оказавшись на кромке леса, я неуверенно смотрю на сгущающийся сумрак между деревьями. Но беру себя в руки и ступаю на тропинку. Не так хорошо, как в Вишневом парке, но она расчищена. С недавних пор за лесной зоной стали следить – слишком много людей здесь гуляют с собаками.

Проходит минут пять. Идея найти человека в лесу кажется все более нелепой. Что-то мне подсказывает, что Берислав сейчас крепко спит у себя дома. И тут в поле зрения попадает что-то красное на дереве. Сначала я думаю, что это снегирь, но оно не двигается. Схожу с тропы. Чем ближе я, казалось бы, должна приближаться к предмету, тем дальше он становится. Оглядываюсь назад, тропинка исчезла. Встревоженно хмурюсь, снова поворачиваюсь вперед, а красный предмет прямо перед моим носом. Это атласная лента, привязанная к ветке. На ней вышиты непонятные мне слова. Протягиваю руки, чтобы отвязать ленту и рассмотреть поближе, как вдруг меня окрикает мужской голос.

– Стой!

Через чашу ко мне движется Берислав. Я улыбаюсь тому, что он случайно нашелся и не замечаю, как встревоженно его лицо. Оказавшись рядом, он почему-то первым делом спрашивает, трогала ли я ленту. Вижу, как он с облегчением вздыхает, услышав отрицательный ответ. Мы стоим по разную сторону от ленты. Я делаю шаг к нему, но меня внезапно толкают в плечи.

– Ты чего?! – от возмущения я перехожу на «ты».

– Не знаю, как ты оказалась на грани с дремучим лесом, но тебе лучше сюда не входить, – отвечает он.

– Мы, итак, в лесу, – замечаю я. – Но это неважно. Вообще-то я пришла тебя поблагодарить. Спасибо, что помог спастись от волков тогда. Это небольшая плата за спасение

жизни, но все равно, держи.

Сую шоколад ему в руки. Парень с недоумением смотрит на меня. Солнце почти село, но в этот раз мы стоим близко, и мне удастся получше разглядеть его лицо. Несмотря на диковатый вид, он кажется довольно красивым. У него русые волнистые волосы, темнее и гуще моих, интересный нос с горбинкой как у бюста Давида, но переход от переносицы ко лбу более выраженный, глаза темно-коричневые, как шоколад, что я купила. Парень замечает, как пристально я его разглядываю.

– С моим лицом что-то не так?

– Нет, просто ты выглядишь... интересно, – ляпаю я первое, пришедшее на ум слово.

– Ты тоже.

– Я? – приходит мой черед удивиться.

– Ну да, одежда у тебя странная, и, – парень показывает пальцем на очки, – стекла на глазах.

Я обиженно фыркаю. Тоже мне, нашел интерес.

– Ну раз я тебя поблагодарила, то пойду, – поворачиваюсь и чувствую, как меня удерживают за руку.

– Что?

– А с этим что делать? – Берислав протягивает шоколад.

– Не знаю, на полку положи и смотри, когда личинки заведутся.

– Зачем?

Меня удивляет его вопрос. Он задает его так, словно вос-

принял мою шутку всерьез.

– Я пошутила, просто съешь его.

– Можно?

– Конечно, это же тебе.

Парень при мне разворачивает обертку и кусает плитку. На его лице отображается такое блаженство, которое ожидаешь разве что от блюда ресторана Мишлен. В мгновение ока он съедает все до последнего кусочка.

– А есть еще?

– Нету.

Парень разочарованно вздыхает, но тут же ободряется.

– Хотя нет еще столь вкусного яства, – чинно говорит он, – я должен отплатить тебе за доброту.

Я протестующе машу руками.

– Не надо мне ничего, я же принесла шоколадку в благодарность.

Но парень будто не слышит. Берет меня за руку и тянет туда, откуда совсем недавно отталкивал. Я не упираюсь – любопытство побеждает осторожность. Вскоре выходим на поляну. Солнце уже зашло, но я различаю силуэт дома с огнем лампы над дверью. Свет подергивается, словно живой огонь. Берислав открывает низкую калитку. Он все еще крепко сжимает мою руку. Я тяну ее к себе, но моя попытка освободиться остается незамеченной. Подойдя ближе к дому, можно увидеть, как его, словно кружево, украшают резные наличники и причелины. Само строение ветхое, просело

в землю на добрую треть, а крыльцо накренилось под сильным углом. Мы не заходим внутрь, а огибаем дом с правой стороны. Участок хорошо расчищен от снега, поэтому передвигаться здесь значительно легче. Постепенно взгляду открывается башенка, тоже из дерева, но новее. Наверху из окна горит свет.

Первый этаж пуст, здесь нет ничего, кроме начала узкой винтовой лестницы. По ней неудобно подниматься, держась за руки, поэтому несчастная ладонь оказывается на свободе. Я потираю пальцы, хватка Берислава слишком сильная. На втором этаже башенки голубятня, где несколько нахохлившихся голубей делят жердочки со снегирями и зарянками. Не успеваю все внимательно рассмотреть – Борислав поднимается выше. Третий этаж ослепляет ярким светом и теплом. Я делаю козырек рукой, сощурившись, пытаюсь разглядеть помещение. Не сразу, но глаза привыкают. Передо мной на обычной жердочке сидит птица. Я не могу в это поверить, но именно ее оранжевое оперение заливает светом всю комнату. У нее длинный хвост, с перьями, по форме похожими на павлиньи и огромные крылья, под которые спрятан клюв. На голове как хохолок красуются три пера.

– Убавь жару, – поморщившись просит Берислав.

Действительно, в комнате становится чуть прохладнее и темнее. Птица поднимает голову, и я поражаюсь тому, насколько человеческими кажутся ее небесно-голубые глаза. Но то, что происходит затем, окончательно лишает дара ре-

чи.

– Зачем пожаловал, друг мой?

– За просьбой пришел, Жарюшка.

– Ты в праве просить, что хочешь, коль спас меня от гибели три лета назад, – отвечает птица. У нее женский, певучий голос. Но это последнее, что удивляет. – Какого твое желание, дорогой друг?

– Одно перо.

– Всего лишь перо? – разочарованно протягивает она, но миг берет себя в руки (или в крылья). – Хорошо, дам тебе самое теплое.

На пол медленно опускается перо из хвоста. Берислав подходит, поднимает его и протягивает мне. Взяв его в руки, я мгновенно чувствую, как по телу разливается тепло.

Берислав провожает меня из леса. Произошло нечто необыкновенное, но я не задаю ни одного вопроса.

– Приходи еще, – говорит он на прощанье.

Я молча киваю.

– И шалакадку, если сможешь, принеси. Правда еще одного пера Жарюшка не даст...

Я заверяю парня, что это и не нужно.

Глава 3

В воскресенье я не могу пойти в лес. Мама дома, и мы проводим время вместе. Никуда не выходим, готовим и убиваемся, но я счастлива быть с ней вдвоем вот так. Мы складываем постиранное белье. Взявшись за два конца, я передаю их маме. Она работает реставратором икон, и с воодушевлением рассказывает мне о том, какую старинную икону привезли недавно в мастерскую. Вдруг я замечаю, как она в третий раз складывает одну и ту же наволочку.

– В чем дело, мама?

Усталая женщина вздыхает, откладывает наволочку в стопку.

– Не хотела я тебе говорить раньше времени, но меня увольняют в конце месяца.

– Как?! – вырывается у меня возглас.

– Пока еще не все решено, но мне лучше найти новую работу к следующему году, – мама поднимает на меня несчастный взгляд. – Если не удастся, тебе придется немного пожить с папой.

У меня подкашиваются ноги. Жить с папой. Мне хочется закричать. Да это худший человек, что я встречала за всю жизнь! Он мелочный, злой и жестокий. Когда я была маленькой, запирали меня в шкафу оттого, что много плакала. Мама развелась с ним после того, как он поднял на меня руку. То-

гда мне было всего 5 лет.

– Но мама...

– Да, я знаю, что он за человек. Вернее, знала когда-то... Но он больше не посмеет тронуть тебя! К тому же, я сделаю все, чтобы тебе не пришлось к нему переехать, – заканчивает она.

Понедельник проходит уныло. Опять снежная дорога, пары, краски, кисти, мольберты, автобус домой и ужин в одиночестве. Ложка стучает о дно тарелки. Суп, оставшийся со вчера был очень вкусным. Я завариваю чай и открываю холодильник в поисках чего-нибудь сладенького. На дверце лежит недоеденная шоколадка. Шоколадка... *Точно!* – хлопаю себя по лбу. *Я ведь забыла про своего нового знакомого.* Поспешно собираюсь и выхожу из дома. В магазине покупаю три разных плитки и спешу к лесу. Я уверена, что знаю дорогу. На этот раз у меня с собой фонарик, он освещает путь, вот-вот покажется поляна с домиком Берислава. Но я вижу лишь очередные стволы и ветви. Свет фонарика выхватывает из темноты снежную фигуру, похожую на привидение, и мое сердце ухает. Вдруг замечаю вдалеке фигуру человека. У меня нет сомнений, что это мой приятель, поэтому спешу к нему. Замедляюсь, когда вижу ярко-красный цвет одежды. Совсем не похоже на Берислава. Я останавливаюсь в двух шагах, но слишком поздно. Ко мне оборачивается незнакомый мужчина. На вид ему около 20, волосы короткие, золотые, черты лица тонкие, он кажется неестественно

красивым. Смотрит с хитрым прищуром. Я замечаю, что он необычно одет: рубаха доходит чуть ли не до колен, на плечах теплая одежда с широким рукавом и шнуровыми застежками. Кажется, это называется кафтан. Мы оба молчим, разглядывая друг друга. Незнакомец первым нарушает тишину.

– Здравствуй, красавица. Кем будешь?

Мне хочется улыбнуться. Не от того, что мне приятен комплимент. Скорее наоборот, он звучит смешно, и я с ним не согласна.

– Я Мира. А вас как звать? – подыгрываю незнакомцу, разговаривая на старый манер.

– Иван, – отвечает тот, а затем с улыбкой кивает головой. – Да-да, тот самый Иванушка, главный герой любой русской сказки.

Я понимаю, что передо мной либо сумасшедший, либо заигравшийся актер. Становится не по себе.

– Вы случайно не видели здесь поблизости дом? Такой маленький и старый, стоит посреди поляны. Там живет мой друг, – добавляю я и сама удивляюсь тому, как быстро назвала нового знакомого другом.

Глаза Ивана суживаются, в них мелькает что-то недоброе.

– Кажется, я знаю о ком ты говоришь, – произносит он мягким голосом, который совсем не вяжется со взглядом. – Ступай за мной, я отведу прямо к нему.

Я не хочу доверять незнакомцу, но почему-то слушаюсь. В голове туман, мысли путаются, я слепо слеую за ним. Не

замечаю, как идем все глубже в лес, как ветки царапают кожу и как мы проходим мимо красной ленты. Я не знаю, сколько времени прошло, когда мы оказываемся на поляне. Но дома Берислава тут нет, как и его самого. Я окончательно понимаю, что меня обманули. Трясу головой, пытаюсь прийти в себя. Это немного удастся. Иван резко оборачивается ко мне.

– Так вы правда с ним друзья? – я не сразу понимаю вопрос, но, когда смысл доходит, киваю головой.

В следующий миг Иван делает шаг ко мне и хватается за шею одной рукой. Крепко сдавливая ее, и подключает вторую руку, когда я начинаю вырываться. *Он душит меня.* От страха и боли у меня на глаза выступают слезы. Пытаюсь разжать его пальцы, но они как деревянные. Иван весело улыбается. Он наслаждается происходящим. Я ничего не понимаю. *Почему?* Ответ не заставляет себя ждать.

– Ух и расстроится твой дружочек, когда найдет твое бездыханное тело в лесу. Будет ли он плакать?

– Зачем? – хриплю я.

Иван подносит ухо к моему лицу, пытаюсь лучше расслышать вопрос. Ему приходится встать ближе, и я пользуюсь шансом. Из последних сил бью его по ноге. К счастью, удар вышел неплохим, парень отпускает меня и потирает ушибленную ногу. Я бегу как можно быстрее. Это плохо получается в глубоком снегу. *Наверное, мои прыжки со стороны выглядят комично,* – успеваю подумать я, прежде чем спо-

тыкаюсь и падаю лицом вниз. Поднимаюсь, не понимая, обо что споткнулась. С ужасом замечаю стрелу. Каким чудом она крепко сидит в мягком покрове, мне неизвестно, но сейчас не до того. Оглядываюсь и вижу, как Иван натягивает лук. *Откуда он у него? Раньше ведь не было.* Еще секунда и он спустит стрелу. Я замираю не в силах пошевелиться и зажимаю глаза. Секунда, другая... Ничего. Затем слышу глухой удар и возмущенный крик Ивана. Я поднимаю лицо, передо мной стоит Берислав. Он смотрит на меня с таким беспокойством, что я на миг забываю про Ивана.

– Ты в порядке?

– Да, – шепчу я, голос сел от страха. – А где Иван? – спрашиваю чуть громче.

– Не стоило мне звать тебя в лес, – вместо ответа говорит Берислав. – Но кто же знал, что этот утырок будет поджидать тебя на человеческой территории.

Я пропускаю мимо ушей последние слова. Сейчас беспокоит другое.

– Он ушел?

Берислав хмыкает.

– А то! Дал ему хороший подзатыльник. Если еще раз покажется на моих глазах, будет трижды дураком и не избежит трепки.

Меня удивляет такое отношение к надменному Ивану, но я ничего не говорю.

Мы идем к жилищу Берислава. Он поедает уже вторую

шоколадку, и набитые щеки мешают ему говорить. Я беспокоюсь, что так другу скоро понадобится помощь дантиста.

– Почему Иван так тебя ненавидит? – Берислав проглатывает последний кусочек и отвечает.

– Это старая история.

– Но все же расскажи.

– Если не вдаваться в подробности, Иван страшный честолюбец. Он всегда хочет быть первым во всем, даже если это первенство не приносит ничего хорошего. А я...

– Что «ты»?

– Я обогнал его кое-в-чем, – сознается Берислав и неловко почесывает затылок.

– В чем же?

– Потом как-нибудь расскажу, – мое любопытство растет от такой интриги, и я сдерживаюсь, чтобы не выпытывать ответ.

Мы доходим до нужной поляны, хотя я и на этот раз не уверена, что запомнила дорогу. Проходим по протоптанной в снегу тропинке к дому, Берислав приглашает зайти. Я отрываю ботинки в сенях. Оставляю куртку на лавке и прохожу внутрь. Ожидаю увидеть что угодно, кроме исторической реконструкции древнерусского жилища. Внутри холодно. В дальнем углу стоит не растопленная печь. Посередине стол и лавки. Под самым потолком второй ярус. Оттуда свисают одеяла, похоже, это спальное место. Хотя дом старый, пахнет древесным срубом и еловыми ветками. Помещение освеща-

ется единственной свечой на подсвечнике. Я не вижу ни одного выключателя или лампы.

– Как ты здесь живешь? – ужасаюсь я.

– Отлично живу, – не понимает меня друг. – Вроде и прибрано, а смотришь так, будто в жалкую лачугу зашла.

Он тоже снял верхнюю одежду, и под ней оказалась рубашка с узором по кайме, очень подходящая убранству комнаты.

– Извини, я просто подумала, что без электричества неудобно.

– Без чего?

Я уверена, что друг меня разыгрывает.

– Без этого, – отвечаю я и мигаю два раза фонариком, который только что достала из кармана.

Берислав подходит ближе и протягивает руку. Я кладу на нее фонарик. Он озадаченно вертит предмет в руках. Показываю, как включать и выключать. Друг повторяет действие, и приходит в восторг, когда видит на стене пятно света. «Вот это да! И никакого огня!» Я пытаюсь подыскать понятное объяснение такому поведению, но ничего не приходит в голову.

– А можно я его заберу? – без особой надежды спрашивает Берислав, но я конечно же соглашаюсь. Тот расплывается в счастливой улыбке.

И тут я вспоминаю о времени, достаю телефон, охаю, увидев цифры 21:03 на экране.

– Прости, мне пора домой, – извиняюсь я. – Мне очень

надо доделать кое-какие дела (я еще не дорисовала натюр-морт с чучелом и рисунок своей кухни).

Берислав понимающе кивает. Он провожает меня до самой опушки леса. Я несколько раз оборачиваюсь, вижу, как он машет рукой, и с горечью думаю о том, что мне, возможно, придется уехать в конце месяца.

Глава 4

В четверг мне к третьей паре, поэтому долго и сладко нежусь в постели. Окончательно просыпаюсь только к 10 утра. Неспешно собираю вещи, до занятия остается целых три часа. Как вдруг понимаю, что не могу найти свой блокнот с набросками. Его нужно обязательно показать преподавателю именно сегодня. Перерываю рюкзак, смотрю во всех комнатах, но не нахожу. Блокнотик маленький, чуть больше ладони. *Где же я могла его оставить?* Вспоминаю, как в понедельник кладу блокнот в карман куртки. Но там его давно нет, а вечером того же дня я ходила в лес и встретила Ивана. Что-то мне подсказывает, что блокнот выпал из кармана, пока убегала от этого поехавшего.

Мне не хочется возвращаться в лес – туда, где встретила с опасностью. Жалею, что не взяла номер Берислава, могла бы позвонить. Вдруг, он случайно его нашел. Хотя, раз уж обычный фонарик его так удивил, вряд ли у моего друга-чудика есть телефон. В итоге страх столкнуться с осуждением любимой преподавательницы рисунка оказывается сильнее страха перед лесом и его обитателями.

В отличие от предыдущих раз, когда я приходила сюда под вечер, солнце освещает зимний лес, но я все равно нахожусь в напряжении. Крепко сжимаю в кармане перцовку. Широким шагом иду по тропе, сворачиваю направо ровно тогда,

когда вижу красную ленту. На этот раз она не приближается и не отдаляется от меня. Передвигаю ноги в сугробах, оставляя за собой борозды. Прохожу мимо ленты, двигаясь в одном направлении. Каждые пять минут я нервно поглядываю на время. Надо найти блокнот как можно скорее.

В голову приходит нелепая мысль – позвать Берислава. Задаюсь логичным вопросом, как он меня услышит, но вспоминаю, что он сказал в день нашего знакомства. Возмутился моему крику и тому, что тот его разбудил. Поэтому я зову друга. Повторяю имя еще раз, громче. Наконец кричу так, что стайка воробьев слетает с куста. Ничего не происходит. Чувствую себя полной дурой, поворачиваюсь и иду назад. Теперь я не только приду на пару без домашки, но еще и с опозданием.

– Меня ищешь? – раздается знакомый голос.

Берислав стоит, облокотившись на ствол сосны. Я сразу замечаю, что с ним что-то не так. Он осунулся, под глазами пролегли синяки. Длинные волнистые волосы спутаны еще сильнее, кажется, он совсем перестал их расчесывать.

– Что с тобой? – спрашиваю я, совершенно забыв о том, зачем пришла.

– А что? Что-то не так?

– Не строй из себя дурака, я же вижу, ты не в порядке.

Парень морщится, будто я упоминаю что-то неприятное, а не беспокоюсь о его самочувствии.

– Я просто должен спать в это время, только и всего, –

отвечает он. – Но из-за своих обязанностей мне приходится бодрствовать.

– Так значит, ты просто не выспался, – вздыхаю я с облегчением.

– Ты давно не приходила, – обиженно замечает Берислав. Мне стыдно признаться, что снова появилась здесь только ради блокнота.

– А какие у тебя обязанности? – старательно перевожу тему.

– Ничего особенного, просто следить, чтобы никто в дремучем лесу не попал в беду, не поранился, а главное – не вышел за границы.

– То есть ты охраняешь диких животных и не даешь им выйти в город?

– Вроде того, – ухмыляется друг.

Мы вместе доходим до его дома. Оказавшись внутри, при дневном свете я лучше вижу обстановку. Она действительно скучная, комната полупустая. Берислав просит меня подождать, а сам уходит. Я присаживаюсь на лавку и внимательно разглядываю комнату. Сундук украшают кованые узоры, спинки стульев напротив резные, а на печи несколько цветных изразцов. Все немного интереснее, чем кажется на первый взгляд. Подхожу к печке и изучаю образы на изразцах. В основном тут звери: медведь, волк, белка. Но замечаю и знакомую птицу. Кажется, Жарюшке тесно в маленьком квадрате гончарной глины.

Слышу шаги Берислава. Он, отдуваясь, стоит на пороге с огромным самоваром в руках. Я подбегаю придержать упрямо закрывающуюся дверь. Парень протискивается внутрь и с грохотом ставит самовар на стол.

– Прости, меньше не нашел.

Я с ужасом вспоминаю, что топить самовар – дело не быстрое, тем более такой большой. Мама как-то возилась с таким дома у бабушки, когда та была уже слаба, занятие заняло добрый час. И несмотря на все это, мне не хватает смелости уйти. Поэтому смиренно жду, когда Берислав справится с этой нелегкой задачей. К моему удивлению, весь процесс у него занимает не больше 10 минут. Парень наливает внутрь ведро студеной воды, кладет в жаровню щепки и сосновые шишки, поджигает их и быстро раздувает огонь специальными мехами. Потом копается в сундуке, выуживает оттуда кружки, чайник, пакетик с травами и маленький кусок прессованного сахара. Заваривает чай, разливает его по кружкам. Все это время я завороченно наблюдаю за движениями друга. Тут он просит меня подставить ладонь и отламывает щипцами маленький кусочек сахара. Он ощущается в руке как камушек. Себе Берислав кромсает еще более маленький кусок, кладет в рот и запивает чаем. Я следую его примеру. Сладость не растворяется во рту сразу, я выпиваю целую кружку, но кусочек не заканчивается. Молчание становится неловким. Я постукиваю по столу пальцами, поднимая взгляд на друга и решаюсь задать вопрос.

– Ты случайно не видел моего блокнота? – я стараюсь придать голосу такой тон, как будто спрашиваю между прочим.

– Не знаю, что за слово ты сейчас сказала, но, если ты про книгу с рисунками, то ты оставила ее в сенях. – Ты ведь за ней пришла, – невозмутимо добавляет он.

Я густо краснею. Мне нечего сказать.

– Нечего стыдиться. Ты забыла вещь и вернулась за ней, что тут плохого. Вот только пришла бы ты ко мне просто так, – последние слова звучат не как вопрос.

Нахожу в себе силы посмотреть ему прямо в глаза. У меня отлегает от души, когда не вижу в них разочарования. И все же...

– Прости, – я не пытаюсь оправдаться.

– Да что уж там, – улыбается он. – Конечно, прощаю.

Напряжение в воздухе начинает таять. Как вдруг я вспоминаю, что пора бежать на занятия. Я не хочу признаваться в этом, боюсь снова расстроить друга.

– Разве тебе не пора идти? – спрашивает Берислав, словно прочитав мои мысли.

Я еще несколько раз извиняюсь, пока иду через сени, и друг каждый раз меня прощает. На этот раз он провожает только до калитки. Напоследок сует мне в руки злосчастный блокнот. Я уверенно выхожу к тропинке. Кажется, наконец запомнила дорогу.

На занятие, конечно же, опаздываю. На лице нашей преподавательницы всегда легкая улыбка, но при виде меня

уголки ее рта приподнимаются чуть сильнее. Тем не менее она продолжает объяснять, как правильно строить розетку. Тут ничего сложного, но я все равно внимательно слушаю. Когда все приступают к работе, Раиса Станиславовна обходит класс и смотрит, как у кого получается. Когда доходит очередь до меня, она еле слышно приглашает зайти на чай после пар – в это время у нее окно.

После второй пары я, стараясь, чтобы меня никто не заметил, иду в кабинет рисунка. Стоит мне закрыть дверь, как Раиса Станиславовна громко здоровается – старый чайник слишком шумно кипит воду. Я невольно вспоминаю, как Берислав ставил самовар и на моем лице пробегает тень улыбки.

– Что-то хорошее случилось? – спрашивает Раиса Станиславовна.

– Да так, – уклончиво отвечаю я. – Ничего особенного.

Но от нее ничему не укрыться. Сощуриив глаза, пристально смотрит на меня и отхлебывает чай.

Я тоже пью обжигающий напиток. Наконец, не выдерживаю и рассказываю о Бериславе, предусмотрительно опустив подробности обо всех опасностях. К моему удивлению, преподавательница реагирует не так, как мне хотелось. Она хмурит брови и задумывается о чем-то. *А я ждала, что меня поздравят с тем, что нашла друга...*

– Не хочу тебя пугать, но этот твой приятель не вызывает доверия, – начинает она. – Ты не задавалась вопросом, по-

чему он живет один в лесу? Что он там делает?

– Ну может он кто-то вроде лесничего.

– В таком юном возрасте? Ты ведь сказала ему не больше 25?

– Точно не знаю, сколько ему лет, – нелепо оправдываюсь я.

– Лучше бы ты подружилась со сверстниками.

– Ой, ну пожалуйста!

– Что?

– Вы же знаете, я пыталась в начале года, но к чему это привело? Я всем надоела!

– Неправда! Как ты можешь надоест? Ты ведь такая хорошая девочка!

Раиса Станиславовна напоминает мою бабушку. Конечно, она моложе, но тоже думает, что я божий одуванчик, с которым все мечтают дружить. Не хочу спорить с ней, не хочу пытаться переубедить. Но слова сами вырываются наружу.

– Они наверняка думают, что я нездорова, – добавляю я.

– С чего ты взяла?

– Целый месяц я с ними не разговаривала. И что теперь, подойти и сказать: «Здравствуйте, на самом деле я нормальная»?

– А как же Лиза? – находит лазейку преподавательница. – Она ведь хочет с тобой поладить!

– Лиза так поступает из жалости, – буркаю я.

– Зря ты так думаешь, – качает головой Раиса Станисла-

вовна.

Мне надоедает эта тема, и я достаю синий блокнот с рисунками, мой второй блокнот. Первый, черный, я показала на занятии, а в этом рисую, что душе угодно. Преподавательница внимательно изучает мои наброски. Вот мама, заснувшая на диване, на следующей странице несколько голубей, потом я нарисовала домик Берислава, а следующий разворот... я бросаюсь к преподавательнице, чтобы выхватить блокнот, но поздно – она уже перевернула страницу. На этом развороте слева – портрет Берислава. Я нарисовала его по памяти, как могла. Справа же какие-то каракули, не помню, что это. В напряжении смотрю, как преподавательница рассматривает рисунок.

– Это твой друг?

– Вышло не очень похоже, – признаюсь я.

На лице Раисы Станиславовны отражается легкая задумчивость. Вскоре она возвращает мне блокнот.

Следующие полчаса мы болтаем на разные темы: от художников-прерафаэлитов до бурых медведей.

– Вот не понимаю, откуда взялся образ милого пушистого мишки? – не могу скрыть я возмущение. – Это же одно из самых опасных существ, если не самое опасное. От него не убежишь и не спрячешься на дерево – везде достанет.

– Как будто ты умеешь лазать по деревьям, – смеется Раиса Станиславовна. – Нынешние дети совсем не те. Вот я в детстве могла забраться даже на голый столб.

– Ничего себе!

– Да, только в первый раз меня пришлось снимать, сама спуститься не могла.

– А кто вам помог?

– Мой будущий муж.

– Не может быть! – ахаю я от удивления.

– Мне тогда было 17 лет, почти как тебе. Конечно, в таком возрасте я уже не лазала по столбам, но кошка соседки застряла на одном из них, и я вызвалась ее спасти. А в итоге пришлось вместе с кошкой спасать и меня.

– Так ваш муж работал в МЧС?

– Не совсем. Тогда он был пожарным, и в свой выходной был неподалеку.

От смеха и разговоров внутри разливается тепло. Но вскоре преподавательница вынуждена выпроводить меня – ее окно закончилось, вот-вот начнется четвертая пара.

Всю дорогу до дома на моем лице то и дело появляется улыбка. Давно я не была в таком хорошем настроении.

Глава 5

Ночью вдруг просыпаюсь от громкого стука. Пока пытаюсь нашарить очки, он настойчиво повторяется еще три раза. До меня не сразу доходит, что стучат в окно. *Наверное, птичка* – успокаиваю себя и поднимаюсь с кровати. В самом деле, за окном сидит крупная птица. От нее исходит слабое золотистое свечение.

– Жарюшка! – охаю я и открываю ставни.

– Ну наконец-то, – шипит она и протискивается внутрь. – Тебя не добудишься.

– В чем дело, почему ты здесь?

– Берислав совсем занемог. Боюсь, как бы не отошел к Богу.

– Что с ним?! – шепчу я громче, чем следует.

В маминой комнате раздается бормотание. Мы с Жарюшкой затихаем и прислушиваемся. Вскоре все стихает.

– Это мама разговаривает во сне, – поясняю я. – Так что с Бериславом?

– Слишком много лет прошло, живень год за годом забирал его силы. Но недавно, – птица еще сильнее понижает голос, – я слышала, как Сирий пела, что придет дева со слабыми глазами, но сильным сердцем, а потом...

– Что потом?

– Потом я не дослушала, голуби помешали. Ох, и не люб-

лю же я этих задир!

Я озадаченно смотрю на Жарюшку. На минуту мне кажется, что я схожу с ума. Разговариваю тут с птицей. Украдкой щипаю себя за руку. Больно.

– Чего стоишь столбом?! – вдруг возмущается она. – Полетели скорей.

– Я не летаю.

– Тогда беги! – велит птица и спархивает с окна.

Я второпях натягиваю джинсы и кофту. Одновременно с этим думаю, чем же смогу помочь. Вряд ли Жарюшка услышала предсказание обо мне. И все же, ставлю стул рядом со шкафом, встаю на цыпочки, чтобы дотянуться до аптечки. Медлю секунду, но решаю взять чемоданчик целиком – не знаю, что может пригодиться. Прокрадываюсь к входной двери, стараюсь не шуршать курткой, когда надеваю ее в коридоре.

Поворачивая щеколду, придерживаю ее двумя руками. Так же тихо запираю дверь снаружи. Я спускаюсь на лифте, а внутри все постепенно заполняет тревога. Когда двери открываются, их грохот кажется мне громче обычного, так, что я даже вздрагиваю. Под писк домофона, выхожу на улицу. Холодный ветер с колючим снегом тут же ударяет мне в лицо. Метель только начинается, а я оделась слишком легко, но нет времени возвращаться домой.

Натянув на голову капюшон, быстрым шагом иду к лесу. Оказавшись среди деревьев, почти сразу чувствую, как успо-

каивается ветер. В этот раз я совершенно точно уверена, куда идти. Спуск с дорожки. Красная лента. Перед березовой рощей поворот направо, два пня и налево, еще раз налево после куста рябины, пятьдесят шагов направо и прямо около тридцати метров.

Жарюшка встречает меня на ветке высокой ели перед самой поляной. Она летит рядом, провожая меня до калитки.

– Только не говори Беру, что это я тебя надоумила, – шепчет она и улетает в башенку как раз перед тем, как я открываю дверь.

В комнате холодно и темно. Едва различаю Берислава. Он лежит на скамье – видно, не хватило сил забраться на полати. Я включаю фонарик на телефоне, подхожу ближе, предусмотрительно направив свет немного в сторону. Мой друг, кажется, спит. Несмотря на студёный воздух, на бледном лице проступил пот. Он сильно хмурится, челюсти плотно сжаты. Мне надо разбудить его, скорее дать лекарство. *Но я ведь даже не знаю, чем он болен*, – мелькает мысль. Настойчиво отгоняю ее. Сейчас надо сделать хоть что-то. Трясу друга за плечо. Он так резко открывает глаза, что я на секунду теряюсь. Будто и не спал вовсе. Тяжело дыша, Берислав медленно садится. Поднимает на меня угрюмый взгляд. Мокрые волосы падают ему на лицо, плечи устало опущены, руки опираются на колени.

– Зачем пришла? – его голос осипший, непривычно тихий.

– Жа... – осекаюсь. – Навестить.

– Ночью? – усмехается друг.

– Ладно, – сдаюсь я. – Кое-кто сказал, что тебе нездоровится.

– Кто?

– Не могу сказать.

– Значит, птичка напела, – заключает он. Я не могу понять, шутит Берислав или догадался. – Ну и что ты собралась делать? Неужто лечить больного? – мой друг откровенно веселится, но вместо раздражения я чувствую облегчение. *Значит все не так страшно, как описала Жарюшка.*

– Сначала надо затопить печь, – спохватываюсь я. – Только как? – с надеждой смотрю на Берислава, жду подсказки.

Он машет рукой в сторону сеней.

– Там на входе немного дров, а в корзине рядом растопка. Будь добра, принеси немного сюда.

К моменту, когда я возвращаюсь в комнату, Берислав успевает зажечь свечу на столе. Он с трудом поднимается, но помогает мне разложить сухие щепки и колотые бревна. Когда закрывает дверцу топки, я слышу, как его дыхание становится ровнее.

– Чем ты болен? – спрашиваю я, когда дело завершено и печь начинает тихо гудеть. В этот раз он не отвинтится, выпытаю правду.

– Это что-то вроде проклятия, – отвечает Берислав. – Или благословения, сам не знаю.

Я не знаю, верить ему или сомневаться, поэтому молча жду продолжения. Мой друг присаживается на скамью, предлагая сесть и мне.

— Есть кое-что, о чем я тебе не рассказывал. Этот лес не так прост, как ты думаешь. Помнишь, как ты попала сюда в первый раз? — я киваю. — То, что тебе это удалось — чудо. Лес не пускает к себе людей.

— Как это не пускает? Мы же здесь.

— В том-то и дело. Дремучий лес на то и дремучий, что стоит оказаться на его пороге, как на человека накатывает дрема, забытие. Он забывает, куда и зачем шел, поворачивает назад.

— Как такое возможно? — я не до конца верю этим словам.

— Очень просто. Лес заколдован.

Тишину нарушает только треск щепок в печи. Я смотрю на лицо Берислава, освещенное теплым светом свечи. Его взгляд прямой, спокойный и уверенный. Не похоже, что он врёт или выдумывает. И я решаюсь. Решаюсь поверить.

— Зачем он... заколдован? — медленно произношу последнее слово, как будто боюсь его.

Берислав отвечает не сразу. Смотрит куда-то вдаль, его взгляд стекленеет, словно он оказывается далеко отсюда. Мне приходится откашляться, чтобы вернуть его к разговору.

— Ах да, — возвращается к моему вопросу Берислав. — Ты видела Ивана, видела Жарюшку. Подумай, не напоминают

ли они тебе кого?

Я наклоняю голову вбок, озадаченная вопросом, разглядываю изразцы на печи. Эти двое и впрямь кого-то мне напоминают. Если подумать, то при встрече Иван назвал себя царевичем.

– Иван-царевич? – неуверенно спрашиваю я. – И Жарюшка... она... – вспоминаю яркое оперение и нежный человеческий голос. – Жар-птица, – выдыхаю слово. Меня поражает собственная недалекость. *И как сразу не поняла! Она ведь пылает, словно жар огня.*

– Верно, – кивает Берислав. – Люди решили, что сказочным существам не место среди них. В 7175 году от сотворения мира, при государе царе Алексее Михайловиче, нас заперли в трёх лесах по всей стране.

– Но это же как тюрьма! – возмущаюсь я такой несправедливости.

– Для кого-то может и тюрьма, – соглашается Берислав. – Но кто был поумнее и попроворнее давно сбежал.

– А ты? Почему не сбежишь? Неужели не хочешь?

– Я удерживаю здесь тех, кто опасен, – серьезно отвечает хранитель леса. – Если уйду я, кто не даст им выйти? Кто будет поддерживать силу живня, прячущего лес?

– Жарюшка сказала, что этот живень вытягивает из тебя силы! – я чуть не перехожу на крик.

– А это уже тебя не касается, – отрезает Берислав. Голос его становится таким холодным, что невольно ежусь. Замол-

каю, обиженная его резким ответом. Неужели я зря прибежала спасать друга посреди ночи? Поднимаю на него взгляд и сталкиваюсь с непроницаемым выражением лица. Понимаю, что сейчас мне от него ничего не добиться, перевожу тему.

– Если лес оказался отделен от остального мира... В каком, ты сказал, году?

– 7175-м.

– ... то тогда сколько же тебе лет?

– Не знаю, я потерял счет.

– Но выглядишь ты молодо, – замечаю я и смотрю на друга с подозрением. Он выглядит намного лучше с того момента, как я пришла. Но вдруг он превратится в дряхлого старика или развалится на кусочки.

– Мой возраст застыл, когда мне исполнился двадцать один год.

– Вот оно как, – я шумно выдыхаю. Берислав смеется.

– Что, думала, я превращусь в прах на твоих глазах?

– Как ты угадал? – огрызаюсь я.

Вдруг я вспоминаю еще кое-что. Берислав сказал, что людям в лес не зайти. По спине пробегает холодок.

– Берислав... а ты...

– Что?

– Ты тоже не человек? – я замираю, боясь услышать ответ.

– И да и нет, – отвечает он сразу же, как будто был готов к моему вопросу. – Сейчас я человек, но могу перестать им быть, если захочу.

– Тогда кем ты станешь?

– Будешь много знать, рано состаришься, – отшучивается друг.

Я уговариваю его не готовить чай и идти отдыхать. Теперь Берислав выглядит намного лучше, но я не хочу, чтобы он напрягался. Освещаю лесенку фонариком, пока друг лезет на полати.

– Как тебе там, не холодно? – интересуюсь я. Спальное место под потолком выглядит довольно уютно.

– Не, в самый раз! – отвечает Берислав и свешивает голову вниз.

– Хочешь забраться?

– Да мне не интересно, – вру я.

– Тогда ладно, – он собирается затащить лесенку наверх, но я хватаюсь за перекладину. – Что, передумала? – улыбается друг с хитрым прищуром.

– Да, – буркаю я и тут же добавляю, что посмотрю одним глазком.

Лестница кажется неустойчивой, но Берислав крепко держит ее сверху, пока я забираюсь. Тут едва ли можно сесть, не пригибая голову. Твердый деревянный настил покрыт двумя тонкими покрывалами, но тепло поднимается от печки и нагревает воздух. Моему другу тут еще теснее, поэтому он выбирает лежать. Сейчас он расположился на боку, подперев голову рукой. Я невольно фыркаю от этой картинной позы.

– Ну как тебе? – спрашивает он.

– Необычно, – отвечаю я. – У меня дома совсем не так.

– А как?

– Мы с мамой на кроватях спим. В разных комнатах.

– Вона! – удивляется Берислав. – Да вы, я смотрю, знатные?

– Вовсе нет. Может когда-то кровати были только у знати, но сейчас на них все спят.

Я зеваю и растягиваюсь на боку.

– Расскажи что-нибудь еще, – просит Берислав. Он при-
двигается поближе, глаза светятся любопытством.

– О чем?

– О том, как люди живут сейчас.

И я пускаюсь в рассказ о технологиях, что успели создать, применяю свои немногочисленные знания истории, вспоми-
наю детали, которые считала маловажными. Всего за раз не
объяснить, но Берислав оказывается благодарным слушателем. Он ловит каждое слово, то и дело задаёт вопросы. От
тепла меня клонит в сон, и я начинаю клевать носом. Всё
тише отвечаю на его расспросы, пока наконец не засыпаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.